

УДК 008(47+520) «19»

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-1-8

Болгов Д. Н.

«Память цвета печали» (к реконструкции жизни и трудов
В.Я. Ерошенко в Японии и Китае)

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1., г. Москва, 1129226, Россия;
bolgovdn113@mgpu.ru

Аннотация. Жизнь и творчество известного отечественного деятеля культуры первой половины XX в. Василия Ерошенко рассматривается с точки зрения востоковедения, внимание акцентировано на его месте и роли в истории и культуре восточных стран, прежде всего, Китая и Японии. Парадоксальным образом, будучи слепым, Ерошенко обрел значительно больше свободы передвижения и культурных контактов, чем его современники и соотечественники. Физическая слепота и эсперанто открыли для него горизонты стран Дальнего Востока, из которых наибольшую роль в его жизни стала играть Япония. Наследие Ерошенко рассмотрено в контексте российско-японских связей и собственно японских текстов писателя. Феномен Ерошенко достоин академического изучения в целом и в специально японском (и шире восточном) контексте.

Ключевые слова: Василий Ерошенко; Россия и Япония; творчество слепых; эсперанто

Для цитирования: Болгов, Д. Н. (2026), «“Память цвета печали” (к реконструкции жизни и трудов В.Я. Ерошенко в Японии и Китае)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(1), 199-208. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-1-8

D. N. Bolgov

"Memory of the color of sadness" (towards a reconstruction
of the life and works of V.Y. Eroshenko in Japan and China)

Moscow City Pedagogical University,
bld. 1, 4^{2nd} Selskokhozyaistvenny Ln., Moscow, 1129226, Russia; *bolgovdn113@mgpu.ru*

Abstract. The life and work of Vasily Eroshenko, a renowned Russian cultural figure of the first half of the 20th century, are examined from the perspective of Oriental studies, focusing on his place and role in the history and culture of Eastern countries, primarily China and Japan. Paradoxically, despite being blind, Eroshenko enjoyed significantly greater freedom of movement and cultural contacts than his contemporaries and compatriots. Physical blindness and Esperanto opened his horizons to the Far East, of which Japan played the most significant role in his life. Eroshenko's legacy is examined in the context of Russian-Japanese relations and the writer's own Japanese texts. The Eroshenko phenomenon deserves academic study in general and in a specifically Japanese (and broader Eastern) context.

Keywords: Vasily Eroshenko; Russia and Japan; creativity of the blind; Esperanto

For citation: Bolgov, D. N. (2026), “‘Memory of the color of sadness’ (towards a reconstruction of the life and works of V.Y. Eroshenko in Japan and China)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(1), 199-208, DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-1-8

Одним из самых выдающихся уроженцев Белгородчины является Василий Яковлевич Ерошенко (1890-1952) – писатель, филолог, музыкант, педагог. Этот очень разносторонний творческий человек трагической судьбы парадоксальным образом связан с Японией и японской культурой, что позволяет поставить вопрос о связях Белгородчины с японской культурой, как и в более широком контексте, с Дальним Востоком.

Современные исследователи сходятся на том, что датой рождения Ерошенко было 31 декабря 1889 г., что соответствует 12 января 1890 г. по новому стилю. Его родители были достаточно зажиточными крестьянами: отец Яков Васильевич торговал лесом и держал лавку, а мать Евдокия Васильевна (до замужества Семькина) была хозяйкой дома. Свидетельства односельчан описывают Якова Ерошенко как «крепкого мужика», владевшего арендованным лесом (200–300 гектаров) и садами, при этом активно помогавшего бедным и дававшего всем детям по тем временам хорошее образование. В семье было целых десять детей, и Василий был вторым по счету сыном и третьим по счету ребенком. Именно родители, братья и сестры послужили для Василия крепчайшей опорой, всегда стоявшей за ним, особенно в его непростые ранние годы (Патлань, 2003: 1).

«Я смутно помню всего четыре вещи: небо, голубей, церковь, на которой они жили, и лицо матери» (Аникеев, 2006: 167). Такие воспоминания о мире сложились у Василия до того, как в возрасте четырех лет он тяжело переболел корью и навсегда лишился зрения. Несмотря на это, мальчик хорошо ориентировался в пространстве, играл с соседскими детьми и вскоре открыл в себе интерес к музыке. В 1899 г. родители отдали Василия в школу «Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей». (Помог местный граф Орлов-Давыдов). Тут он всей душой отдавался скрипке и гитаре, перечитал вдоль и поперек школьную библиотеку, записанную шрифтом Брайля, и даже начал составлять собственные тексты, выкалывая их иголкой на листе бумаги. У юного Василия в те же годы пробудился интерес к иностранным языкам и культурам, на основе которого, по сути, и будет выстроена вся его дальнейшая жизнь (Харьковский, 1978: 21).

Школа, по воспоминаниям современников, отличалась строгими нравами и жесткими правилами в отношении своих учеников – детей всегда держали под присмотром и ставили им твердые рамки касательно того, что и когда они могут делать. Эти обстоятельства, вероятно, посадили в Ерошенко семена антипатии к авторитарным системам, в частности, к такому отношению к слепым людям, когда с ними обращаются, как с неполноценными.

По окончании обучения в 1908 г. Ерошенко стал играть в оркестре таких же слепых музыкантов, выступая в различных московских ресторанах скрипачом. Вскоре судьба свела его с Анной Шараповой, сестрой жены секретаря Льва Толстого, яркой эсперантистки. В конце XIX века польский еврей Лазарь Заменгоф, создатель эсперанто, стремительно распространил свое учение по Российской Империи и Восточной, а позже и Западной Европе. В ряды тех, кто интересовался эсперанто, входили главным образом люди, которых не устраивали порядки старого мира, и которые интересовались различными неортодоксальными течениями мысли. Одной из краеугольных идей эсперантистов как приверженцев концепции международного языка, было объединение всех людей Земли, и не в последнюю очередь это подразумевало активное странствие по миру и проповедование своих идей всем людям планеты.

Именно благодаря этой установке Ерошенко выпала возможность отправиться на обучение в Великобританию. Он был наслышан об учебном заведении для слепых, гораздо менее строгом и куда более либеральном, нежели его собственная alma mater. Отточив свой английский и эсперанто, Ерошенко в 1912 г. отправился в Лондон, спонсируемый новыми соратниками-эсперантистами. Это событие стало первым шагом в становлении Ерошенко как странника, пропутешествовавшего по многим странам и выучившим многие языки (125-летию..., 2015: 13).

Путь до Лондона для слепого молодого человека был небыстрым, но прибыв в Гамбург, Ерошенко встретился и познакомился с западноевропейскими эсперантистами, которые оказали ему помощь в преодолении оставшегося пути до Британских островов. В 1912 г. в отечественных журналах «Слепец» и «Вокруг света» появилась заметка под названием «Путешествие русского слепца в Лондон», где рассказывалось следующее: «Воспитанник московского училища для слепых – 22-летний В.Я. Ерошенко, 2-3 года игравший в оркестре слепых в разных московских ресторанах... так основательно изучил эсперанто, что благодаря, главным образом, англо-эсперантскому словарю точечного письма, лондонским журналам и книгам и переписке с эсперантистами из Англии, быстро научился и по-английски (даже удивляет англичан своим знанием английской стенографии для слепых). Наконец он взял шестимесячный отпуск в оркестре и 6 февраля нынешнего года отправился один <...> в Лондон. Из Москвы успели предупредить письмом делегатов универсальной Эсперанто-ассоциации в Германии, Бельгии, Франции и Англии, и по дороге он встретил много помощи и участия не только от зрячих, но и от слепых» (Аникеев, 2017: 70).

До нас также дошел очерк Василия под названием «Мое первое заграничное путешествие», в котором он так комментировал данный этап своей жизни: «Поистине могу сказать, что лампа Алладина не могла бы помочь мне больше, чем зеленая звездочка – символ эсперанто. Я уверен: никакой джинн из арабских сказок не мог бы сделать для меня больше, чем сделал для меня гений реальной жизни Заменгоф, творец эсперанто» (Осыков, 1989: 11).

Во время обучения в Англии молодому Ерошенко довелось пересечься с самим П.А. Кропоткиным, и последний сразу же оказал на первого сильное влияние, познакомив со своими идеями, с анархической мыслью. Ерошенко быстро оказался окружен находившимися в Англии русскоязычными людьми, которые практически единогласно поддерживали радикальные идеи левого толка. Принято считать, что именно связь с этими элементами привлекла к Ерошенко внимание британской полиции и послужила поводом к его исключению из колледжа. Кроме этого, однако, упоминают уже знакомое нам своеволие Ерошенко, которое он проявлял еще в Москве – он часто игнорировал правила учебного заведения, отправлялся в самовольные прогулки, и т. п.

В Великобритании Ерошенко заинтересовался другой далекой страной – Японией. В ней его привлекло особое отношение японцев к слепым людям; он выяснил, что в японском обществе у таких, как он, было свое особое место, в особенности слепцы ценились как массажисты и мастера иглоукалывания. Одни источники сообщают, что японский он начал изучать еще в Лондоне, другие говорят о том, что Ерошенко занялся этим только по возвращении в Москву после своего исключения. В 1914 г. под патронажем российских эсперантистов Ерошенко отправился в Японию. Страна в то время уже была открыта миру несколько десятилетий, но все равно оставалась довольно далекой от иностранных идей, а потому впитывала их очень охотно. В среде японских интеллектуалов были широко распространены левые и иные популярные в то время веяния, в том числе эсперанто. Ерошенко подружился с японским метеорологом и идеологом эсперанто Киё Накамурой, который пригласил Василия в местное общество эсперантистов.

Ерошенко отдавался врачебному делу, а также продолжал культивировать свой интерес к музыке, литературе, развил интерес к психологии. Среди японцев, с которыми Ерошенко

довелось подружиться, были драматург Удзюку Акита (известный русофил и человек левых взглядов, он высказывался в поддержку России во время русско-японской войны, интересовался русской культурой, в том числе через Ерошенко, посещал СССР, возглавлял Общество друзей Советского Союза), преподаватель университета Васэда Нобору Катагами (посещал Россию, являлся специалистом по русской литературе), и Итико Камитика (журналистка и феминистка, в которую Ерошенко глубоко влюбился, но не получил взаимности). Киё Накамура принял Ерошенко к себе в семью, как родного сына.

В кругу своих многочисленных японских знакомых Ерошенко начал преподавать им русский язык. Он нашел себя в заведении «Накамура-я», которое любили посещать различные интеллектуалы ради бесед об искусстве, политике, литературе и философии. Они быстро приняли Ерошенко в свои ряды и часто восхищались им и его познаниями.

Кроме идей анархизма и эсперанто, в начале XX века в той же среде была широко распространена вера Баха'и. Первые произведения Ерошенко на японском языке были пронизаны идеями бахаизма, с которым его познакомила Агнес Александер по просьбе вышеупомянутой Анны Шараповой. Полный интереса к новой вере, Ерошенко активно переводил священные тексты Баха'и на эсперанто, и затем они распространялись среди его японских единомышленников.

Стоит подчеркнуть, что в Японии тех лет русская литература являлась едва ли не самой популярной среди всей иностранной. Интерес проявляли как к открыто радикально настроенным писателям, так и к более нейтральным. Неудивительно, что настоящий живой русский человек, да еще и настолько необыкновенный, как Ерошенко, мигом поразил японскую интеллигенцию и привлек к себе необычайное внимание. Находясь в Японии, Ерошенко множество раз выступал с лекциями о русской литературе, например, в университете Васэда.

Известен случай, когда Ерошенко вступил в спор с индийским философом и поэтом Рабиндранатом Тагором во время посещения тем Японии. В их полемике индеец настаивал на разнице природ западной и восточной культур, называя первую истинно материальной, а вторую – истинно духовной. Ерошенко выступил с мнением, что обе культуры не так уж сильно отличаются друг от друга, и что в первую очередь людей отчуждают друг от друга две вещи – отсутствие взаимопонимания и национализм. Как можно видеть, идеи Заменгофа для Ерошенко были крайне ценны, ведь тот изначально пришел с мыслью о создании международного языка именно из-за того, что в его родных краях люди часто вступали в конфликты, просто не понимая друг друга. В том же споре Ерошенко назвал себя неверующим, по крайней мере в контексте христианства, и добавил, что товарищи называют его японским поэтом.

В 1916 г. в сердце Ерошенко, по-видимому, скопилось немало противоречивых чувств и эмоций. Вот как он говорил об этом в письме Токудзиро Тории: «10.06.1916. Мой дорогой, мой любимый друг! Я должен как можно скорее оставить Японию, но всевозможные преграды задерживают, и, возможно, буду здесь еще несколько месяцев. Школа не требует от меня платы, могу оставаться там так долго, как я хочу. И в Синдзюку ничего не плачу за жилье, а хозяева даже просят меня всегда жить с ними. Как видишь, теперь я могу учиться и жить без каких-либо хлопот. Немало людей, очевидно, мечтают об этом, только не я. Не счастья я ищу, не успехов желаю. Сейчас, когда все устраивается так счастливо для меня, я чаще, чем когда-либо, думаю о побеге, отрекаюсь от счастья, презираю благополучие, не дорожу успехами в Японии; достигнув успеха, я отказываюсь от него без всякого сожаления. Так часто мне хотелось бы иметь императорскую корону лишь для того, чтобы, смеясь, бросить ее под ноги прохожим. Так часто хотелось бы мне быть в раю, в обществе бога и ангелов, лишь для того, чтобы отказаться от небесных наслаждений и присоединиться к страдальцам, пылающим в вечном огне. Ты не сможешь понять этих желаний, но я всегда так думал. Единственное, что

меня огорчает – это мысль, что меня очень скоро забудут те, кого я так любил, кого я сам никогда не забуду, но я не ропщу на это, – те, кто стремится к успеху, должны забывать... Таков закон природы...» (Такасуги, 1993: 32-33).

Обзаведясь знакомствами с индийскими интеллектуалами в Японии, Ерошенко принял решение отправиться в путешествие по Индии и Юго-Восточной Азии. «Слишком мало земли и слишком много счастья...» – таковы были слова Ерошенко о Японии по истечении его первого срока пребывания там.

Новыми странами для Василия стали Индия, Бирма и Сиам (нынешний Таиланд). В то время он, по всей видимости, ощутил, что набрал достаточно опыта и знаний, чтобы начать преподавать их другим людям и передавать накопленные навыки. Ерошенко стал уделять много времени помощи слепым, в особенности детям, организовывал кружки, в то же время изучал фольклор, культуру и языки этих стран. В скором времени в России прогремела февральская революция, и это известие потрясло остальной мир. Несколько лет после этого события Василий провел под постоянным надзором полиции, пережил несколько арестов, сбежал из-под стражи и в конце концов почти выслан из Индии на английском военном судне, но сумел вместо этого вернуться в Японию на грузовом корабле. Находясь в Юго-Восточной Азии, Ерошенко не скрывал своих взглядов и тем привлекал к себе внимание стражей порядка, стремившихся вычислить и выслать из страны потенциальных большевистских шпионов.

В 1919 г. Ерошенко, вновь оказавшись в Японии, активно взаимодействует как со старыми знакомыми, так и с новыми членами молодой Социалистической партии, принимает участие в ее втором съезде. Уже в 1920 г. Василием интересуется университет Васэда, один из самых престижных вузов Японии тогда и по сей день, и предлагает ему преподавать у них. Об этом сразу же узнали в японских правоохранительных органах, и Ерошенко был вынужден отказаться от предложения и перебраться из Токио в Осаку, где опубликовал одни из своих самых значимых и известных произведений – «Сердце орла», «Бирманская легенда», и пр. (Ерошенко, 2014)

В тот же период второго пребывания Ерошенко в Японии живописец Цунэ Накамура, называемый также «японским Ренуаром», пишет его портрет. «Взгляд невольно притягивает высокий лоб мыслителя. На лице отсвет вечной грусти от незрячих глаз, навсегда закрытых почти от самого рождения. Несколько размытая, слабо вырисованная нижняя часть лица – абрис сомкнутого рта и волевого подбородка проглядывает словно бы сквозь расходящийся туман. Но сквозь туман, озаренный светом внутреннего пламени. А волны своеобразных русых кудрей, завершая внешний облик поэта, подчеркивают замысел-символ японского художника, напоминающий факел» (Патлань, 2001). Василий признавался, что отдал бы год жизни, лишь бы увидеть данное творение своими глазами.

Главные сборники японских произведений Ерошенко претерпели целых две трагедии. Изданные в 1921 г. «Ёакэмаэ но ута» и «Сайги но тамэики» были практически полностью утрачены после сильнейшего землетрясения в 1923 г., а изданный в 1924 г. «Дзинруй но тамэни» вышел спустя три года после того, как Ерошенко навсегда покинул японскую землю. (Ерошенко, Белоусов, Эйдлин, 1977)

За активную деятельность в среде японских социалистов Ерошенко сначала арестовали, а затем выслали из страны. Как сообщал его соратник Киёси Эгути, полицейские обращались с Василием как с собакой и даже долгое время отказывались верить в его слепоту, всячески пытаясь разомкнуть тому веки. Приказ о высылке Василия подписал сам тогдашний министр внутренних дел Такэджиро Токонами, сославшись на то, что тот «оказывал дурное влияние». За этим случаем крылась надежда министра на то, что избавление от такого активного элемента оздоровит и успокоит общество, хотя на деле данное решение произвело резко противоположный эффект.

«Четвертое июня 1921 года, – последний день, проведенный мной на японской земле... Власти отдали распоряжение выслать меня из Японии, я был схвачен полицейскими и под конвоем препровожден на пароход “Ходзан-мару”, уходивший во Владивосток. <...> Резко прозвучал третий свисток. Еще немного – и “Ходзан-мару” выйдет в широкие морские просторы, навстречу свободе. Но меня не радовала эта свобода. Стоя у поручней, я до последней минуты все ждал, что кто-нибудь приедет со мной проститься. Но напрасно... Никто так и не приехал. Быть может, они не смогли, а быть может, решили, что не стоит... Когда-то Япония казалась мне чужой и далекой. Но после стольких лет, проведенных там, она стала мне почти такой же близкой, как Россия... Нет, я не плакал, только в горле застрял сухой комок. Голова слегка кружилась. Полицейский, сопровождавший меня до Владивостока, помог мне добраться до моего места в третьем классе» (Першин, Лазарев, 1991: 34). Так описывал эти события Ерошенко. Он провел в Японии в общей сложности семь лет.

«Владивосток, 12 июня 1921 г. Дорогой г-н Акита! Сегодня я покидаю Владивосток и через Хабаровск направляюсь в Читу и Иркутск, а оттуда – в рабоче-крестьянскую Россию. <...> Здесь я узнал, что сейчас в школах рабоче-крестьянской России хорошо поставлено обучение эсперанто... Если я, на свое счастье, благополучно доберусь до Читы, то, может быть, меня пошлют делегатом от местного общества эсперантистов на XIII всемирный конгресс в Прагу. Но путешествие в Читу, наверное, будет очень трудным. Во всяком случае, я долго готовился. В течение двух месяцев понемногу покупал нитки, иголки, верхнюю одежду и прочее, а также чай, сахар, колбасу и другие различные продукты. Никто не верит, что я один смогу совершить это путешествие в глубь России. <...> Но я ничего не боюсь, я спокоен. Если людям понадобится меня убить, оборвать мое жалкое существование, то я без страха, легко доставлю им это удовольствие. Политическая обстановка во Владивостоке изменчива, как и погода в это время. Пресловутый атаман Семенов тоже здесь, выжидает случая...» (Фудзии, 1989: 87).

Планировавший пересечь Сибирь и оказаться в уже Советской России Ерошенко был остановлен в самом начале своего пути пограничным патрулем. Василий решает сменить маршрут и оказывается в Манчжурии, в Харбине. С Китаем он уже был опосредованно знаком, как и Китай с ним. Китайский литератор Ху Юй-джи заинтересовался Ерошенко как эсперантистом и пригласил того преподавать язык в Шанхай, где Ерошенко написал цикл произведений на эсперанто.

«В большом и шумном Шанхае я понемногу забывал о своем корабле счастья, который собственными руками привел к гибели. Теперь я уже не сожалею об этом, не плачу о нем. Но если бы дело обернулось так, что все прошлое оказалось бы только сном, если бы, проснувшись, я увидел бы, что мой корабль счастья цел и невредим и что штурвал по-прежнему в моих руках, что я могу выбрать курс по своей воле, я не повернул штурвала и не изменил бы выбранного курса ни на йоту. Нет, не повернул бы я штурвала. Как и прежде, я снова и снова пошел бы тем же морем, в котором уже однажды погиб мой корабль счастья», – так вспоминал то время Ерошенко (Патлань, 2008: 13).

Сеть японских друзей Ерошенко ни на день не переставала прилагать усилия ради того, чтобы власти пересмотрели свое решение и позволили Василию вернуться в страну. Этого им осуществить не удалось, тем не менее, японские товарищи Ерошенко продолжали переписываться с ним и помогать ему финансово (Патлань, Прохоров, 2016).

Основоположник современной китайской литературы Лу Синь многократно высказывал свое восхищение Ерошенко и принимал его в своем доме. В его 20-томном издании работ почти целый том был посвящен переводам сказок Ерошенко. Как и в Японии, в Китае также семимильными шагами развивался эсперанто, и Ерошенко не оставил без внимания многочисленные китайские эсперантисты, устроив его в молодые школы языка в Пекине (Рогов, 1958: 215).

Китайский этап жизни Ерошенко был отмечен его самыми дальними путешествиями. В 1922 г. он стал участником проходившего в Хельсинки XIV Международного конгресса эсперантистов как делегат от лиги эсперантистов Пекина, а уже в следующем году – XV конгресс в Нюрнберге. Покинув Китай в апреле 1923 г., Ерошенко также успел посетить Лейпциг и Геттинген, а затем Париж, где познакомился с руководителем всемирной организации слепых Жоржем Ревертом. Летом 1924 г. Василий посещает Вену, и с его участием основывается Универсальная ассоциация слепых эсперантистов.

С декабря 1924 г. Ерошенко – в молодой Советской России. Его новое место работы – Коммунистический университет трудящихся Востока имени И.В. Сталина. Из-под его пера в годы работы там вышли переводы на японский язык работ Маркса, Энгельса, Ленина, он руководил подготовкой кадров для работы с азиатскими странами и обрастал новыми знакомствами в среде идеологически заряженных людей. Приезжавшие в Москву представители Коммунистической партии Японии специально запрашивали Ерошенко в качестве переводчика и просто в виду его несомкнутой известности в их стране.

Неприятности начались, когда Ерошенко отказался от сотрудничества с НКВД и слежки за определенными иностранными лицами. В огне погибло большое количество документов той эпохи, связанных с Ерошенко, из-за чего точный ход событий реконструируется лишь частично. Известно, что Ерошенко высказывался о советской власти так, что «все размолвки остались в прошлом», из чего складывается закономерный вывод о том, что размолвки все же действительно были.

В 1927 г. на празднование десятилетия Октябрьской революции в Москву приехала большая делегация японских коммунистов, и в их числе был Удзюку Акира. Вместе с Ерошенко они отправились в большое путешествие по стране, участвовали в радиопередачах, выступали перед Всероссийским обществом слепых (Акита говорил, а Ерошенко переводил) (Катаока, 1997: 10-11).

В 1928 г. Ерошенко отправился изучать север страны. Его, как обычно, интересовал быт слепых, и он достиг существенных успехов, изучив культуру и язык чукчей. Вероятно, что схожие, а порой и вовсе одинаковые аспекты жизни слепых людей, находящихся в совершенно разных точках света, еще больше укрепили веру Ерошенко в братство и единство всех людей Земли.

Около 1930-1932 гг. Ерошенко преподает математику, английский и шрифт Брайля в Нижнем Новгороде и Москве слепым детям, прививая через строгость к ним настолько полную самостоятельность, на которую может быть способен незрячий человек.

В 1931 г. Ерошенко также довелось в последний раз в жизни выехать из страны и побывать в Париже на очередном конгрессе эсперантистов. Учитывая уже сложившееся к нему на тот момент отношение властей и то, как это отношение потом развивалось, можно сделать вывод, что эта поездка в конце концов сделала Василию больше зла, чем добра.

В этот же период окончательно обрывается связь Ерошенко со всеми его иностранными друзьями, не в последнюю очередь из-за языка их общения, эсперанто, борьбу с которым начала активно проводить советская власть. Десять лет, с 1935 по 1945 гг., Ерошенко прожил в Туркменистане, приглашенный туда Наркомпросом Туркменской ССР, в Кушке, самой южной точке Союза, на самой границе с Афганистаном. В это время он лично собирал по аулам слепых детей и открыл для них школу-интернат, став ее директором. Им же изобретена азбука для слепых туркмен шрифтом Брайля.

С каждым годом внимание к персоне Ерошенко со стороны властей росло, и не в хорошем смысле. Как когда-то его выгоняли из стран Азии из-за подозрений в шпионаже в пользу большевиков, так и советская власть начала преследовать Василия за его продолжительные и активные путешествия по миру в молодости, и, в частности, за приверженность к делу эсперантистов. Он был уволен с поста директора собственной школы,

сделавшись простым учителем, а затем интернат был эвакуирован с началом войны. Есть мнение, что именно нахождение Василия на самой периферии страны спасло его от более сурового наказания, которое понесли многие другие советские эсперантисты.

В 1946 г. Ерошенко возвращается в Москву и преподает там. Спустя четыре года он вновь посетил Туркмению ради воссоединения с бывшими учениками. После этого он не оставил путешествия, и успел посетить Якутию, Карелию, Харьков и Донбасс. Он также мечтал пройти вместе с собакой-поводырем пешком от родной Обуховки до самого дальнего края страны, до Владивостока, однако этим планам не суждено было сбыться.

В 1951 г. Ерошенко начало сильно подводить здоровье. Когда врачи оглашали ему диагноз на латыни, то не заметили, как побледнел Василий, владеющий этим древним языком – ему диагностировали рак.

Ерошенко вернулся в родное село и поселился в отчем доме. Его родители к тому моменту уже скончались, но он был окружен многочисленными братьями, сестрами и племянниками, что поддерживали его в последние дни жизни. Он надиктовывал им свою последнюю книгу, общался с односельчанами и редкими гостями, пока не ушел из жизни 23 декабря 1952 г. Согласно его воле, на могиле Василия высечено всего три слова: «Жил, путешествовал, писал...» (Поляковский, 1998: 19).

Самой большой трагедией, связанной с Ерошенко, можно с уверенностью назвать его практически полное погружение в небытие в родной стране. Несмотря на масштаб его личности, мы имеем доступ лишь к нещадно малой доле его рукописей – завещанные Василием Обществу слепых тексты сгорели. По сути, Ерошенко долгое время оставался жив только через своих иностранных последователей и их переводы, а также иностранные издания работ Ерошенко на языках.

Стоит сказать, что со временем ситуация постепенно улучшается – на текущий момент существует воссозданный дом-музей Ерошенко в родном селе, на улице его имени; истории о нем хранятся в музеях и библиотеках Старого Оскола, Белгорода и туркменского Мары. Изданы обратные переводы отдельных произведений (Ерошенко, 1977) (Ерошенко, 2014) (<https://www.belpressa.ru/society/drugoe/7757.html?ysclid=mn6zn540m023039207#>) и популярная иллюстрированная биография в сдвоенной серии «Библиотека белгородской семьи», «Знаменитые земляки» (Новикова и Захарова, 2018).

«Каждая капля этого духа высочайшей пробы была пролита разными «шахами» с бездумной, бессмысленной жестокостью и тупой бездарностью невежества. Но ведь и такую каплю нельзя вернуть, даже если установить столь редкий теперь черный лабрадор в месте упокоения В. Ер. в родной Обуховке, построить грандиозный мемориал на фундаменте его отчего дома, даже если написать о нем еще одну очень хорошую книгу, и т. п. И все же пусть будет и то, и другое, и третье. Но пусть остается и беспокойство. Ведь кто же не знает, что на всем белом свете нет ничего прекраснее жизни и стойкости духа, нет ничего увлекательнее мечты о любви и счастье, как и нет ничего более святого, чем память о Человеке, память цвета печали» (Першин, Лазарев, 1991: 99).

Василий Ерошенко достоин как минимум академического собрания сочинений на русском языке. Актуализация его наследия в России – важнейшая задача современного гуманитарного знания.

Литература

125-летию В.Я. Ерошенко посвящается. Сборник материалов по литературному краеведению (2015), сост. Мищерина, С. М., Новикова, Т. С., Захарова, Т. А., Старый Оскол.

Аникеев, С. И. и Такеда, А. (2017), «Русский писатель В.Я. Ерошенко», *Детские чтения*, 1, 68-92. EDN: YNZJOE

Аникеев, С. И. (2006), «Русский писатель и мыслитель В. Ерошенко. Его открытие для российских читателей», *Известия Восточного института*, 13, 167-180. EDN: HZCECT

- Аникеев, С. И. (2007), «Русский писатель и мыслитель В. Ерошенко», *Россия и АТР*, 4, 170-178. EDN: JJWZDB
- Ерошенко, В. Я. (1977), *Избранное*: [Пер. с яп., кит. и эсперанто], сост., вступ. статья, и примеч. Белоусов, Р.; отв. ред. Эйдлин, Л., Наука, Москва.
- Ерошенко, В. Я. (2014), *Книга сказок*, КОНСТАНТА, Белгород.
- Новикова, Т. С. и Захарова, Т. А. (2018), *Ерошенко*, Медиарост, Рыбинск.
- Осыков, Б. И. (1989), *Писатель, путешественник, музыкант, педагог*. БООПИК, Белгород.
- Патлань, Ю. В. (2003), «Жизнь и судьба Василия Ерошенко», *Окно в Японию – E-mail бюллетень Общества "Россия-Япония"*, 6, URL: <http://ru-jp.org> (дата обращения 20.09.2025).
- Патлань, Ю. В. (2017), «О жанровых особенностях “Одной странички в моей школьной жизни”», *Василий Яковлевич Ерошенко и его время*, [Электронный ресурс], URL: <http://www.eroshenko-roko.narod.ru/Materials/Patlan/Str1.html> (дата обращения: 08.01.2017).
- Патлань, Ю. В. (2012), «О мировоззрении Василия Ерошенко: материалы виртуальной конференции “Ерошенко и его время”», *Персональный сайт Георгия Прохорова*, URL: http://www.gosha-p.narod.ru/Esperanto/List_esp.htm (дата обращения 20.01.2025).
- Патлань, Ю. В. (2008), «О “Русском друге” Лу Синя полвека спустя (1958-2008): Роль советских китаеведов в изучении жизни и творчества Василия Ерошенко», *Окно в Японию*, 51, URL: http://ru-jp.org/patlan_gogov_081221.pdf. (дата обращения 26.01.2025).
- Патлань, Ю. В. (2001), «Человек новой эпохи. Жизнь и творчество Василия Ерошенко (1890–1952)», *Новая эпоха – новый человек: Мат-лы Междунар. научно-общест. конф. 2000*, Междунар. Центр Рерихов, Москва, 132-146.
- Патлань, Ю. В. и Прохоров, С. М. (2016), «Презумпция “первого исследования” в создании мифа о поэте», *Василий Яковлевич Ерошенко и его время* [Электронный ресурс], URL: <http://www.eroshenko-roko.narod.ru/Materials/Patlan/mif.htm> (дата обращения 26.12.2025).
- Першин, В. и Лазарев, В. (1991), *Импульс Ерошенко*, ТПО "ТАМП", Москва.
- Поляковский, А. (1998), «Слепой пилигрим», *Альянс*, 7, 12-19.
- Рогов, В. Н. (1958), «Русский друг Лу Синя», *Знамя*, 7, 212-216.
- Харьковский, А. С. (1978), *Человек, увидевший мир*, Наука, Москва.
- Fudzii S. (1989), *Erosenko no tosimonogatari 1920 nendaj: Toke, Syanhaj, Pekin*: Misudzusebo, Tokyo.
- Kataoka, T. (1997), *Yami-o terasu mo hitocu no hikari. Modzin esuperanto undo no rekisi*, Riberoj sosyo, Osaka.
- Takasugi, I. (1956), *Momoku no sidzin Erosenko*, Tokyo.
- Takasugi I. (1993), *Rosiya no momoku no sidzin. Erosenko dovasyu*, Tokyo.

References

- Anikeev, S. I. (2006), “Russian writer and thinker V. Eroshenko. His discovery for Russian readers”, *Oriental Institute Journal*, 13, 167-180 (in Russ.). EDN: HZCECT
- Anikeev, S. I. (2007), “Russian writer and thinker V. Eroshenko”, *Russia and the Pacific*, 4, 170-178 (in Russ.). EDN: JJWZDB
- Anikeev, S. I. and Takeda, A. (2017), “Russian writer V. Ya. Eroshenko”, *Children's Readings*, 1, 68-92 (in Russ.). EDN: YNZJOE
- Eroshenko, V. Y. (1977), *Izbrannoe: [Per. s yap., kit. i esperanto]* [Selected Works: translated from Japanese, Chinese and Esperanto], comp. Belousov, R., in Ejdlin, L. (ed.), Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).
- Eroshenko, V. Y. (2014), *Kniga skazok* [Book of Fairytales], KONSTANTA, Belgorod, Russia (in Russ.).
- Fudzii, S. (1989), *Erosenko no tosimonogatari 1920 nendaj: Toke, Syanhaj, Pekin* [Eroshenko's stories about cities: Tokyo, Shanghai, Beijing in the 1920s]. Misudzusebo, Tokyo, Japan (in Japanese).
- Kataoka, T. (1997), *Yami-o terasu mo hitocu no hikari. Modzin esuperanto undo no rekisi* [Another ray of light illuminating the darkness. The history of the Esperanto movement for the blind], Riberoj sosyo, Osaka, Japan (in Japanese).
- Kharkovsky, A. S. (1978), *Chelovek, uvidevshiy mir* [The Man Who Saw the World], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Mishcherina, S. M., Novikova, T. S. and Zaharova, T. A. (2015), *125-letiyu V. Ya. Eroshenko posvyashchaetsya. Sbornik materialov po literaturnomu kraevedeniyu* [Dedicated to the 125th anniversary of V. Ya. Eroshenko. A collection of materials on literary local history], Stary Oskol, Russia (in Russ.).

Novikova, T. S. and Zakharova T. A. (2018), *Eroshenko*, Mediarost, Rybinsk, Russia (in Russ.).

Osykov B. I. (1989). *Pisatel, puteshestvennik, muzykant, pedagog* [Writer, traveler, musician, teacher]. BOOPIK, Belgorod, USSR (in Russ.).

Patlan, Yu. V. (2001), “A Man of the New Era. The Life and Works of Vasily Eroshenko (1890–1952),” *New Era – New Man: Proceedings of the International Scientific and Social Conf. 2000*, International Roerich Center, Moscow, Russia, 132–146 (in Russ.).

Patlan, Yu. V. (2003), “The Life and Fate of Vasily Eroshenko”, *Okno v Yaponiyu* [A Window to Japan], E-mail newsletter of the Russia-Japan Society, 6. [Online], available at: <http://ru-jp.org> (Accessed 20.09.2025) (in Russ.).

Patlan, Yu. V. (2008), “About "Lu Xun's Russian Friend" Half a Century Later (1958-2008): The Role of Soviet Sinologists in Studying the Life and Work of Vasily Eroshenko”, *Okno v Yaponiyu* [A Window to Japan], 51 [Online], available at: http://ru-jp.org/patlan_rogov_081221.pdf. (Accessed 26 January 2025) (in Russ.).

Patlan, Yu. V. (2012), “On the worldview of Vasily Eroshenko: materials from the virtual conference "Eroshenko and his time", *Georgy Prokhorov's personal website*, [Online], available at: http://www.gosha-p.narod.ru/Espanero/List_esp.htm (Accessed 20 January 2025) (in Russ.).

Patlan, Yu. V. (2017), “On the genre features of ‘One Page in My School Life’”, *Vasilij Yakovlevich Eroshenko i ego vremya* [Vasily Yakovlevich Eroshenko and his time] [Online], available at: <http://www.eroshenko-epoko.narod.ru/Materials/Patlan/Str1.html> (Accessed 08 January 2017) (in Russ.).

Patlan, Yu. V. and Prokhorov, S. M. (2016), “The presumption of "first research" in the creation of the myth of the poet”, *Vasilij Yakovlevich Eroshenko i ego vremya* [Vasily Yakovlevich Eroshenko and his time] [Online], available at: <http://www.eroshenko-epoko.narod.ru/Materials/Patlan/mif.htm> (Accessed 26 December 2025) (in Russ.).

Pershin, V. and Lazarev, V. (1991), *Impuls Eroshenko* [Eroshenko's Impulse], TAMP Ltd, Moscow, USSR (in Russ.).

Polyakovskiy, A. (1998), “The Blind Pilgrim”, *Alyans* [Alliance], 7, 12-19 (in Russ.).

Rogov, V. N. (1958), “Lu Xun's Russian friend”, *Znamya*, 7, 212-216. (in Russ.).

Takasugi, I. (1956), *Momoku no sidzin Eroshenko* [The blind poet Eroshenko], Tokyo, Japan (in Japanese).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Болгов Данил Николаевич, студент направления 58.03.01 Востоковедение и африканистика Восточная цивилизация: история, культура, коммуникация – японский язык, институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1., г. Москва, 1129226, Российская Федерация; bolgovdn113@mgpu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Danil N. Bolgov, Student of the Program 58.03.01 Oriental and African Studies Eastern Civilization: History, Culture, Communication – Japanese language, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University, bld. 1, 4 2nd Selskokhozyaistvenny Ln., Moscow, 1129226, Russian Federation; bolgovdn113@mgpu.ru